

Северная Африка во внешней политике Екатерины II

А.И. Бережнов

Институт Африки Российской академии наук

XVIII в. во многих отношениях определил судьбу Российской империи. В стране созревали внутренние предпосылки для модернизации, были достигнуты серьёзные внешнеполитические успехи. Пётр I «прорубил окно» в Европу, а Екатерина II решила задачу открытия для России Чёрного моря. Последнее не только позволило перенести центр земледелия России в южные плодородные земли, но и открыло путь к новым международным морским путям. Геополитические возможности страны заметно расширились.

Оказалась «приоткрытой» даже дверь в Африку. До получения выхода в Чёрное и Средиземное моря контактов у России со странами Северной Африки практически не существовало. Именно в екатерининскую эпоху возникла возможность российского взаимодействия с Египтом, Алжиром, Марокко, Тунисом и Триполи.

В данной статье исследуются внешнеполитические инициативы России в Северной Африке в царствование Екатерины II. Российская деятельность на этом континенте дополняла усилия на главном для внешней политики Российской империи во второй половине XVIII в. горизонте противоборства с Турцией. Используя сепаратистские движения на окраинах Османской империи, Россия добивалась ослабления и отвлечения сил своего противника во время русско-турецких войн. В мирное время Россия стремилась обеспечить безопасность своих торговых судов. Во второй половине XVIII – начале XIX вв. российская торговля в Средиземном море страдала от нападения корсаров варварийских государств, а именно Туниса, Алжира и Триполи. Для разрешения этой проблемы Россия оказывала давление на Порту, а также пыталась заключить мирные договоры с государствами Северной Африки. Первые шаги России на Африканском континенте были очень скромными, не лишёнными авантюризма, и далеко не все планы удалось реализовать.

Статья написана на базе документов из Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ) и Российского государственного архива древних актов (РГАДА), которые позволяют понять, как принимались решения и велись переговоры со странами Северной Африки. Некоторые аспекты первых российско-африканских контактов рассматривались в российской и зарубежной исторической литературе, но большее внимание уделялось отдельным сюжетам и странам. В данной статье предпринята попытка всестороннего обозрения причин и содержания внешней политики России XVIII столетия в отношении Северной Африки.

УДК: 327(47+61)"17":94(47)"17"

Поступила в редакцию: 15.03.2024

Принята к публикации: 11.08.2024

Ключевые слова: Российская империя, Северная Африка, варварийские государства, Египет, царствование Екатерины II, русско-турецкие отношения, торговля на Средиземном море

В последние годы африканское направление российской внешней политики приобретает всё больший вес. Россия стремится восстановить уровень отношений, который был со многими странами Африки во времена СССР. Вырос интерес к изучению предыстории взаимодействия России с государствами и народами континента.

Когда Россия «пришла» в Африку? Ответ на этот вопрос зависит от выбранной точки отсчёта. В XVI в. были установлены отношения между Александрийским и Московским патриархатами, но они носили сугубо церковно-религиозный характер. При Петре I состоялась отправка Мадагаскарской экспедиции, но она не достигла берегов Африки. С одной стороны, можно полагать, что старт российско-африканскому сотрудничеству был дан в 1770-х гг., после Первой Архипелагской экспедиции и последующих поездок офицеров российского военно-морского флота в страны Магриба. С другой стороны, первое российское представительство, а именно генеральное консульство в Александрии, было учреждено в 1784 г. и открылось в 1785 г. Важной вехой на пути установления отношений между Россией и Африкой стало подписание Кючук-Кайнарджийского мирного договора в 1774 г., который создал необходимую правовую базу для развития торговли и отправки консулов в Средиземноморье. Таким образом, начало формирования российско-африканского взаимодействия как особого внешнеполитического направления произошло в правление Екатерины II (1762–1796).

Цель данной статьи заключается в том, чтобы выявить основные интересы России в Северной Африке во второй половине XVIII в. и проследить за их продвижением. Выдвигается следующая гипотеза исследования: возникновение российско-африканского сотрудничества в правление Екатерины II было обусловлено развитием торговли и войнами с Османской империей.

На тему отношений России и Африки в XVIII в. написано много исследований, но они затрагивают либо определённые аспекты внешней политики, либо посвящены отдельным странам. Например, Мадагаскарской экспедиции Петра I уделено внимание в работах Д.Н. Копелева (Копелев 2017), торговые связи Российской империи с континентом изучались В.Н. Шкуновым (Шкунов 2012), а вопросами пиратства в Средиземном море занимался А.Г. Рагунштейн (Рагунштейн 2013). Эволюция отношений с Тунисом в XVIII в. рассматривалась Н.В. Жерлицыной (Жерлицына 2014) и Н. Каздагли (Каздагли 2018), а Т.Ю. Кобищанов (Кобищанов 2009), И.М. Смилянская (Смилянская 2011) и Д.В. Фрумин (Фрумин 2009; Frumin 2004) написали ряд работ по Ближнему Востоку

и египетскому фактору во внешней политике Российской империи в XVIII в. Как можно заметить, не хватает комплексных исследований, посвящённых месту Северной Африки во внешней политике Екатерины II.

Представленная статья обобщает и систематизирует основные результаты исследований других авторов с привлечением широкой базы архивных источников. В работе использованы фонды Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ), а именно №5 «Секретные мнения коллегии», №48 «Сношения России с Генуей», №89 «Сношения России с Турцией» и №90 «Константинопольская миссия», а также Российского государственного архива древних актов (РГАДА), № 19 «Финансы».

Африка во внешней политике России до Екатерины II

До царствования Екатерины II контакты России с Африкой носили эпизодический характер. В России отсутствовали глубокие знания о географии и актуальной ситуации на далёком континенте. Только в 1713 г. при Петре I в России была издана первая карта Африки (Давидсон, Филатова 2010: 14). В учебнике географии начала XVIII в., к примеру, были описаны следующие страны: «Варвара, Египет, Биледун, Герид, Сарадуни, Ефиопия, Абиссиния и Мономотата»¹. Эти государства можно увидеть на европейских картах XVII–XVIII вв., причём их границы не были чётко определены и менялись в зависимости от предпочтений и знаний картографов. С названиями Абиссиния и Эфиопия происходила путаница: иногда они использовались как синонимы, иногда Абиссинию определяли в Восточную Африку, а Эфиопию рисовали от Африканского рога до Южной Африки и побережья Гвинейского залива – свидетельство того, что европейцам было хорошо известно только побережье Африканского континента.

Сведения о внутривосточной ситуации в африканских владениях Турции приходили от российских посланников в Стамбуле. Например, в 1746 г. сообщалось о бегстве в Константинополь из Египта Осман-бея² из-за конфликта с другими беями. Желая вернуть власть, он просил у Порты десять военных кораблей и двадцать тысяч сухопутного войска, обещая увеличить платежи в султанскую казну. Порта вначале согласилась, но потом передумала, опасаясь, что это может привести к окончательному отпадению Египта. В итоге автор донесения пишет: «Порта сверх возможности все свои силы употребила, но никогда уже тоя страны покорить не могла»³. Подобные сообщения приходили в Коллегию иностранных дел и в 1750 г.⁴ Периодически в газете «Санкт-Петербургские

¹ *География или краткое земного круга описание*. 1716. Напечатано повелением Царского Величества в типографии Санкт-Петербургской. Санкт-Петербург. С. 84.

² Осман-бей был одним из предводителей бейликата в Египте в 1730-х – 1740-х гг., носил титул «шейх аль-балад» – старейшины страны. Он был изгнан из Египта в 1743 г. Ибрагим-беем и Ридван-беем.

³ АВПРИ Ф. 90. Константинопольская миссия. Оп.1. Д. 278. 1746. Л. 147-148.

⁴ Там же. Д. 324. 1750. Л. 87.

ведомости» появлялись небольшие заметки о государствах Северной Африки, в частности, в номере от 16 января 1728 г. подробно описаны события междоусобной войны в Марокко⁵.

Отдельные русские люди бывали в Африке ещё в давние времена. Со времён Золотой Орды на континент попадали выходцы из Восточной Европы, захваченные в плен в ходе войн и набегов (Дьяконов 2009: 4). Некоторые из них даже смогли достичь высокого положения, как например, уроженец Малороссии Касим-бей, ставший в конце XVIII в. наместником одной из провинций Египта. Некоторые пленники, становясь частью военно-административной элиты стран Северной Африки, умудрялись сохранять связи со своей родиной. Так, Мурад-бей и Ибрагим-бей отправляли дары в родную Грузию; существуют версии, будто они собирались заключить союз с Россией при посредничестве кахетинского, а в 1762–1798 гг. и восточно-грузинского царя Ираклия II (Nathaway 2008: 220).

Сведения о странах Северной Африки поступали от российских паломников, которые отправлялись к святым местам в Египте. Тексты хождений сохранились с XV в. Только в XVIII в. Северную Африку с паломническими целями посетили Иоанн Лукьянов (1701 г.), Макарий и Селивёрст (1705 г.), Андрей Игнатьев (1707 г.), Ипполит Вишенский (1708 г.), Василий Григорович-Барский (1727 и 1730 гг.), Архимандрит Константин (1795 г.) и другие, оставив интересные заметки о достопримечательностях, жителях, природно-климатических условиях и торговле Египта⁶.

Знаковым событием первой половины XVIII в. на африканском направлении стала организация Мадагаскарской экспедиции при Петре I в 1723–1724 гг. В Россию дошли сведения о том, что на Мадагаскаре появился «пиратский король», который ищет покровительства европейских держав. Понимая выгоды географического расположения острова, Пётр I решил этим воспользоваться, чтобы в дальнейшем создать место для стоянки российских кораблей на пути в Индию. Экспедиция готовилась в строжайшей секретности и вышла из Ревеля в 1723 г., но из-за неблагоприятной погоды и поломки судов была вынуждена вернуться, а потом отложена до лучших времён. Изначально это предприятие было сомнительным из-за отсутствия внятных представлений о реальной ситуации на Мадагаскаре. По мнению историка Д.Н. Копелева, при европейских дворах силы пиратов и их власть на острове намеренно преувеличивали якобы бы, стремившиеся к свержению Георга I (Копелев 2017: 51–52). В письме главарю пиратов Пётр I обращался к нему, не называя по имени, как «Высокопочтенному королю и владельцу славного острова Мадагаскарского», и заканчивал послание словами «Вам приятель»⁷. Но в Россию информация о «пиратском короле»

⁵ *Санкт-Петербургские ведомости*. 16 января 1728. №5. С. 1–2.

⁶ *Египет глазами россиян XV–XVIII веков*. 2013. Сборник хождений. Москва: ИВ РАН. С. 172–220.

⁷ *Россия и Африка*. Документы и материалы. XVIII в. 1960 г. 1999. Т. 1. Москва: ИВИ РАН. С. 11.

дошла слишком поздно; на момент отправки экспедиции пиратство в регионе находилось в упадке, многие морские разбойники покинули Мадагаскар, поэтому даже если бы русские корабли смогли достичь острова, то никакого «короля» они бы там не нашли. Авантюра Мадагаскарской экспедиции показывает, насколько Африка продолжала оставаться малоизвестным континентом для России в начале XVIII в.

После Петра I африканское направление выпало из внешней политики России, потому что путь и в Чёрное, и в Средиземное море по-прежнему был закрыт Османской империей и её вассалом – Крымским ханством. Но это не значит, что российские правящие круги забыли об Африке. В 1740-е гг. Коммерц-коллегия обсуждала прошение голландцев о торговле с Персией через Россию. Основные торговые пути между Персией и Европой проходили через Османскую империю. Товары сухопутным путём доставлялись в Левант (область Турции в восточном Средиземноморье), а потом – морем в Европу. Голландцы вели переговоры об альтернативном маршруте, в обход Порты: через Каспийское море и Россию. Обсуждая выдачу разрешения голландцам, члены Коллегии считали, что данный торговый путь позволит снизить издержки и избежать угрозы нападения африканских каперов: «Нежели вспомоществованием всевышнего бога оные нации обратятся чрез Балтийское море в Россию, а из России чрез Каспийское для получения персидских товаров... то, таких напрасных убытков и излишних фрахтов и опасностей миновать могут»⁸. Всем этим планам сбыться не удалось из-за внутривосточной нестабильности в Персии.

Представления служащих Коллегии показывают, что в Россию доходили известия о действиях африканских корсаров в Средиземном море. Но конкретные политические шаги по обеспечению безопасности плавания судов под российским флагом в Средиземном море были предприняты только при Екатерине II.

Африканский вопрос в русско-турецких отношениях при Екатерине II

В XVIII в. в экономической политике Западной Европы, а под влиянием европеизации и в Петербурге, господствовал меркантилизм. Считалось, для процветания страны нужно больше вывозить товаров, чем ввозить, накапливая внутри страны деньги от внешней торговли, поэтому правящие круги придавали большое значение поощрению экспорта. Успешное окончание Русско-турецкой войны 1768–1774 гг., переход к России по её итогам ряда важных форпостов в Крыму и Северном Причерноморье открыли значительные возможности для увеличения российского экспорта в средиземноморские страны. Путь через Балтийское море был существенно длиннее, к тому же основные земледельческие районы, производящие пригодное для экспорта зерно, находились на юге

⁸ РГАДА Ф. 19. Финансы. Оп. 1. 1725 и др. Д. 236. Л. 46.

России. Понимая это, правительство Екатерины II приложило серьёзные усилия для развития российской средиземноморской торговли. Протекционизм, второе главное направление экономической политики того времени, требовал защиты интересов отечественных купцов и поиска для них новых торговых путей. Эти внешнеэкономические мотивы способствовали возрождению интереса России к Северной Африке во второй половине XVIII в.

В то время часть Северной Африки, включая Египет, Триполи, Тунис и Алжир с подвластными им территориями, находились в формальном подчинении Османской империи, хотя с XVII в. янычары начали выдвигать собственных предводителей и ограничили власть присылаемых из Турции пашей. Выбранные правители, называемые беями или деями, имели определённую самостоятельность в проведении внутренней и внешней политики. Независимым государством был только султанат Марокко, вместе с Тунисом, Алжиром и Триполи включавшийся в состав Варварии⁹.

Варварийские кантоны¹⁰ имели большие доходы от пиратства, продавая захваченный груз и получая выкуп за пленников. Европейские государства пытались откупиться от североафриканских корсаров, чтобы избежать их нападений, но правители кантонов периодически нарушали мирные условия и требовали новых выплат. Попытки европейцев решить вопрос силой сталкивались с сопротивлением Османской империи, а также с необходимостью поддерживать постоянное, сопряжённое с внушительными расходами военное присутствие в регионе. В связи с этим крупные европейские державы Австрия, Франция и Великобритания предпочитали действовать дипломатически через свои представительства в Стамбуле. Например, по договору о мире и торговле с Великобританией от 1732 г. Порта взяла на себя обязательство жёстко карать корсаров, нападавших на английские суда и в случае их захвата возвращать всё имущество¹¹. Для выкупа пленных и захваченных кораблей в страны Северной Африки назначались консулы. Количество невольников в Алжире, Триполи и Тунисе в отдельные годы XVIII в. достигало нескольких тысяч, хотя, надо отметить, что в сравнении с предыдущим столетием оно значительно уменьшилось (Davis 2001: 98–100).

Среди европейских держав не было консенсуса относительно борьбы с корсарами. Пиратством занимались не только североафриканские государства, но и рыцари Мальтийского ордена, жители Архипелага (острова Эгейского моря) и итальянских государств. В многочисленных войнах соперничающие стороны использовали морских разбойников, что способствовало их процветанию в средиземноморском регионе.

⁹ Название Варвария использовалось европейцами в XVI–XVIII вв. для обозначения средиземноморского побережья Северной Африки от Марокко до Египта.

¹⁰ В российских источниках XVIII в. слово «кантон» также использовалось в отношении варварийских государств: Алжира, Туниса и Триполи.

¹¹ A Collection of Treaties Between Great Britain and Other Powers. 1790. Chalmers George. Vol. 2. London. P. 437.

Обсуждение вопросов о поощрении и увеличении российской коммерции в Средиземном море начались ещё до Русско-турецкой войны 1768–1774 гг. и присоединения Крыма в 1783 г. В 1763 г. смоленский мещанин М. Давыдов предлагал учредить купеческие конторы в Александрии и Каире, назначить туда консулов и создать крупные торговые компании¹².

Особенно примечателен проект купца Владимирова, представленный на рассмотрение ко двору в 1763 г., предполагавший учреждение компании для торговли из Санкт-Петербурга в Средиземном море и получивший одобрение Екатерины II. Поскольку это был едва ли не первый российский опыт торговли в регионе, Адмиралтейство выделило Владиминову военный фрегат с командой для защиты купеческих кораблей от морских разбойников на первые годы деятельности компании¹³. В связи с отправкой первого купеческого судна в сопровождении военного корабля российскому посланнику в Константинополе А.М. Обрескову было велено «исходатайствовать для обоих фрегатов такие султанские указы, которые бы капитанам их на руки отданы быть могли для представления как турецким командирам в таких случаях, когда бы одному или обоим фрегатам в подчиненные им гавани или места зайти случилось, так и самим африканским правительствам, дабы подвластные их, зная султанскую к нам дружбу и уважение, тех фрегатов наших не трогали и никак не нападали»¹⁴.

Но большинство подобных проектов не приводило к конкретным результатам, поскольку создание торговой компании требовало широкого участия российских купцов, которые не обладали ни достаточным капиталом, ни опытом, и не были готовы идти на большие риски. В отчаянных попытках стимулировать российскую торговлю в Средиземном море Екатерина II в 1776 г. отправила за казённый счёт шесть военных фрегатов, нагруженных товарами, «дабы тем открыть купцам нашим глаза к собственной их пользе и подать к подражанию выгодный пример»¹⁵. Планировалось, что корабли, продав свои товары в Константинополе, придут в российскую уже тогда Керчь с товарами из Турции. Практика отправки военных кораблей для конвоирования торговых судов продолжилась в дальнейшем, особенно в рамках предложенной Екатериной II политики вооружённого нейтралитета¹⁶.

Россия всерьёз опасалась угрозы со стороны пиратов, хотя первое российское судно было захвачено ими только в 1786 г. Присутствие российских кораблей в Средиземном море очень настораживало Турцию, которая полагала,

¹² РГАДА Ф. 19. Финансы. Оп. 1. 1743. Д. 348. Л. 4 об.

¹³ Там же. 1763, 1766. Д. 305. Л. 4.

¹⁴ АВПРИ Ф. 90. Константинопольская миссия. Оп. 1. Д. 450. 1763. Л. 72.

¹⁵ Там же. Д. 673. 1775. Л. 40.

¹⁶ Политика вооружённого нейтралитета (1779–1783 гг.) была инициирована Россией и поддерживалась большинством европейских государств. Она была направлена на обеспечение безопасности плавания судов под нейтральным флагом в ходе войны за независимость США и защиту их при помощи военных кораблей.

что защита своих торговых кораблей от африканских корсаров – лишь предлог, прикрывающий реальные цели России. Например, в 1776 г. Порты не пропустила в Чёрное море российский военный корабль, предполагая, что он может быть использован для вмешательства в крымские дела. В рескриптах 1782 г. российскому посланнику в Константинополе Я.И. Булгакову Екатерина II дала указание разъяснить Турции, что «появление военных наших судов в тамошних водах по одиночке не может иметь другого намерения, кроме того... что опасность нашему торговому флагу от африканских корсаров предстоящая, есть отнюдь не вымышленная»¹⁷.

Помимо военного сопровождения судов, Россия, по примеру Англии и Франции, оказывала дипломатическое давление на Турцию. Успешные войны против Османской империи позволили России добиться выгодных условий для защиты торговли. Статья 11-я Кючук-Кайнарджийского мирного договора, заключённого 10 (21) июля 1774 г., провозглашала «вольное и беспрепятственное плавание купеческим кораблям, принадлежащим двум контрактующим державам, во всех морях, их земли омывающих...»¹⁸. Россия получала те же преимущества от коммерческой деятельности в турецких землях, которые имели англичане и французы. Условия мирного договора также позволяли Российской империи назначать консулов и вице-консулов в различные владения Порты, чем и воспользовалась Екатерина при основании консульства в Александрии. Согласно 12-й статье договора, «когда Российский Императорский Двор похочет сделать коммерческие трактаты с Африканскими, то есть Трипольским, Тунисским и Алжирским кантонами, блистательная Порты обязывается употребить власть свою и кредит к приведению в совершенство помянутого Двора намерения, и быть, в рассуждении вышеречённых Кантонов, ручательницею в наблюдении ими всех тех кондиций, которые в оных трактатах постановлены быть имеют»¹⁹. Это означало, что Россия могла беспрепятственно, и, более того, с гарантиями от Турции развивать отношения с упомянутыми африканскими государствами.

Подробнее условия торговли в землях Порты Оттоманской были оговорены в Трактате о торговле, заключённом между Россией и Портой 10 (21) июня 1783 г. Помимо общих положений о навигации, пребывании и защите российских купцов, тарифах и сделках купли-продажи, в 60-й статье в связи с деятельностью корсаров варварских кантонов предписывалось Порте «наистрожайше наблюдать, чтоб Паши, Коменданты и другие Офицеры в Империи Оттоманской охраняли и защищали консулов и купцов Российских»²⁰. 61-я статья обязывала

¹⁷ Там же. Д. 888. 1782. Л. 37-38.

¹⁸ Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. 1830. Т. 19. 1770–1774. Санкт-Петербург: Тип. 2-го Отделения Собств. Е.И.В. канцелярии. С. 960–961.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же. Т. 21. 1781–1783. С. 652.

Турцию способствовать освобождению пленников и возвращению груза, захваченных пиратами²¹. Ясский мирный договор между Россией и Турцией от 29 декабря 1791 г. (9 января 1792) подтверждал все прежние договорённости и, сверх того, обязывал Османскую империю в течение двух месяцев после обращения российского посланника выплачивать из своей казны компенсацию российским купцам в случае отказа африканских кантонов²².

Данные договоры создали благоприятный правовой режим для плавания российских судов в Средиземном море, но на практике соблюдение их положений сталкивалось с множеством трудностей. Во-первых, у Турции было недостаточно рычагов влияния на африканские кантоны, которые обладали большой автономией. В личных беседах с российскими посланниками в Константинополе рейс-эфенди и капудан-паша признавались, что «повеления их в варварских кантонах не уважаются»²³. Во-вторых, Османская империя очень неохотно выплачивала компенсации за захваченные российские суда, находя всяческие оправдания. Российская средиземноморская торговля велась через посредников. Экипажи на судах под русскими флагом состояли из греков и итальянцев²⁴. Поэтому африканские корсары, ссылаясь на свои конфликты с итальянскими государствами, не возвращали захваченный груз. В связи с этим министрам и консулам России на средиземноморском побережье была дана инструкция, чтобы они «строго рекомендовали судам под флагом российским не иметь никаких бумаг от держав, с африканскими кантонами в войне находящиеся»²⁵.

Выплаты за захваченный груз производились с большой задержкой. Османская империя всячески стремилась уменьшить сумму этих возмещений. В 1794 г. первому драгоману посольства России в Константинополе И. Яковлеву пришлось торговаться с турецкими чиновниками по поводу объёма денежных компенсаций. Сначала он возвысил цену до 782 тыс. пиастров, «дабы торгуя по обыкновению с министерством турецким мог исходатайствовать сумму сколько-нибудь умеренную»²⁶. Но Порта соглашалась только на 112 тыс. пиастров. После убеждений представителя России Челеби Мустафа Эфенди просил согласиться на 200 тыс. пиастров, Яковлев настоял на 250 тыс., но турецкая сторона ещё неделю пыталась сбавить цену до 225 тыс. пиастров. В итоге в январе 1795 г. Россия получила только 230 тыс. пиастров за суда, захваченные ещё при объявлении войны²⁷. Несколько лет ушло на то, чтобы заставить Турцию выполнить свои обязательства, вытекающие из мирных договоров и торгового трактата.

²¹ Там же. С. 653.

²² Полное собрание законов ... Т. 23. 1789 – 6 ноября 1796. С. 291.

²³ АВПРИ Ф. 90. Константинопольская миссия. Оп. 1. 1782. Д. 893. Л. 5.

²⁴ Жерлицына Н.А. 2023. *Роль стран Магриба (Алжира, Туниса, Триполитании и Марокко) в соперничестве России с европейскими империями в конце XVIII – начале XX веков*: дис. д. ист. наук: 5.6.7.: защищена 19.04.23. Жерлицына Н.А. Москва. С. 89.

²⁵ АВПРИ Ф. 90. Константинопольская миссия. Оп. 1. 1795. Д. 1205. Л. 98.

²⁶ Там же. 1794. Д. 1131. Л. 224–225.

²⁷ Там же. 1795. Д. 1204. Л. 2.

В целом Турция удовлетворяла российские требования и даже посылала в варварийские государства фирманы с требованием не трогать российский торговый флот. Но Порта не слишком хотела добиваться их полного соблюдения, чтобы не портить отношений со своими вассалами. Ещё с XVI в. алжирские корсары служили на флоте Османской империи (Wolf 1982: 18). Они высоко ценились, потому что имели большой опыт плавания по Средиземному морю. Турция активно задействовала их в действиях против русского флота. В 1787 г. в Коллегию иностранных дел из посольства в Константинополе доносили, что на помощь Порте алжирцы вооружают четыре судна, а туниисцы с триполитанцами – по два²⁸. В сражении при Калиакрии в 1791 г. вторым командиром турецких кораблей после капудан-паши был алжирский паша Саид-Али. В знаменитом Чесменском сражении 1770 г. после высадки на берег капудан-паши османским флотом командовал Джезаирли Гази Хасан Паша, который некоторое время служил в Алжире. Периодически из Константинополя приходили известия, что алжирцы вербуют к себе на службу людей из областей Османской империи, и что Порта отправляла пушки и другое корабельное снаряжение в Северную Африку²⁹.

Но даже при столь тесных связях Османской империи с кантонами Россия вполне успешно дипломатически отстаивала свои интересы. Для сравнения: австрийцы с большим трудом и не без помощи России смогли добиться компенсации за свои захваченные суда, а генуэзцами Порта вообще отказывалась давать гарантии «за безопасность судов их против барбаресков»³⁰.

Первые прямые контакты Российской империи с Африкой

Взаимодействие со странами Северной Африки начинается с победами в Средиземном море русского флота под общим руководством А.Г. Орлова. Поражения Османской империи способствовали тому, что государства Северной Африки стали искать сотрудничества с Россией, чтобы получить большую независимость от турок.

Особое значение для российской дипломатии в Африке имел Египет. Как отмечалось ранее, в России знали о постоянных волнениях в этой стране и надеялись, что египетские беи могут помочь в войне с Турцией. Екатерина II с большим интересом следила за ходом антиосманского восстания 1768–1773 гг. египетского правителя, мамлюка грузинского происхождения Али-бея аль-Кабира. В июле 1770 г. он провозгласил себя султаном и объявил о независимости Египта. Но сотрудничество российской стороны с восставшими выстраивалось

²⁸ АВПРИ Ф. 5. Секретные мнения коллегии Оп. 5/1. 1787. Д. 582. Л. 354.

²⁹ АВПРИ Ф. 90. Константинопольская миссия. Оп. 1. 1785. Д. 975. Л. 209, 272.

³⁰ Там же. 1795. Д. 1204. Л. 73.

крайне медленно. России понадобилось несколько лет, чтобы понять намерения египетского правителя и вступить с ним в постоянный контакт. Только в августе 1771 г. командующий русской эскадрой А.Г. Орлов завязал вялую переписку с Али-беем аль-Кабиром. К тому времени сподвижник Али-бея Мухаммад-бей Абу аль-Дахаб в союзе с палестинским эмиром Дахиром аль-Умаром уже захватил у османов большую часть Сирии. Несмотря на явные успехи египетских повстанцев, на письмо Али-бея от 22 ноября 1771 г. А.Г. Орлов ответил только через полгода, что, весьма вероятно, было связано с его общим разочарованием от взаимодействия с греками и другими народами Средиземноморья, утратой влияния на императрицу и очень настороженным отношением к мусульманам (Смилянская, Велижев, Смилянская 2011: 363). В любом случае момент был упущен. Помощь к Али-бею пришла, когда он находился в бедственном положении. Мухаммад-бей изменил Али-бею и перешёл на сторону Порты, получив от неё титул шейх аль-балад, т. е. стал фактическим правителем Египта. Али-бей укрылся в Акре у Дахира.

Тем не менее поддержка русского флота дала мощное пропагандистское оружие египетскому правителю и его союзнику Дахиру аль-Умару (Кобищанов 2009: 18). Они распускали слухи о скором подходе основных российских военно-морских сил, которых очень боялись в Османской империи после гибели всего османского флота в Чесменском сражении. Артиллерийский обстрел с моря и высадка десантов с российских кораблей сильно подрывали боевой дух неприятеля и позволили союзникам России с легкостью взять Сайду и Яффу. Но А.Г. Орлов не мог предоставить Али-бею и его союзнику Дахиру крупные наземные силы, поскольку сам испытывал в них нехватку. По возвращении в Египет в 1773 г. Али-бей был разбит и вскоре скончался от полученных ран. После его смерти Россия продолжила поддерживать Дахира аль-Умара в Сирии и Ливане. В сентябре 1773 г. при помощи российского флота был взят Бейрут. Местные друзья даже признали покровительство России и приняли участие в блокаде и штурме города. Впрочем, они не были надёжными союзниками, судя по тому факту, что большая часть друзского ополчения разбежалась во время осады Бейрута (Кобищанов 2009а: 7–8).

После завершения Русско-турецкой войны в 1774 г. Дахир уже не мог рассчитывать на русскую помощь. Покинутый большинством сподвижников, он погиб в 1775 г. при осаде города Акра войсками османов и египетских мамлюков. Стоит констатировать, что русская эскадра оказала скромную поддержку антиосманским повстанцам, хотя главная причина их поражения крылась во внутренних противоречиях и склонности многих предводителей искать компромиссы с Портой. В итоге Турция постепенно восстановила контроль над восставшими провинциями.

Несмотря на неудачу восстаний Али-бея и Дахира, Россия не отказалась от попыток влиять на египетские дела. Согласно 11-й статье Кючук-Кайнарджийского договора, Санкт-Петербург имел право назначать своих консулов

в различные провинции Османской империи. Первое российское консульство в Африке было учреждено в Александрии в 1784 г. В инструкции первому российскому консулу барону Кондратию фон Тонусу³¹ Екатерина II поручала раздобыть сведения о Египте, его политическом устройстве и степени зависимости от Турции, исследовать состояние торговли и возможности развития торговых связей с Россией. Такой интерес был вызван попытками французов через город Суэц в Каир, а потом по Нилу организовать торговый путь в Индийский океан. Также в обязанности барона К. Тонуса входило доносить о происходящих событиях, выкупать пленных и взаимодействовать с христианскими народами³². За годы службы российский консул предоставил в Коллегию иностранных дел ценные сведения о торговле французов в Египте, конфликтах между беями и султаном, а также раздобыл карты Красного моря у венецианского купца³³.

После начала войны с Турцией в 1787 г. Тонус пытался склонить вассальных к Турции соправителей Египта Мурад-бея³⁴ и Ибрагим-бея³⁵ на сторону России. Многие мамлюкские беи имели грузинские, абхазские или даже славянские корни. В числе прочего, консул вёл переговоры с беями через вышеупомянутого Касим-бея, который знал русский язык. Но несмотря на происхождение, мамлюки преследовали собственные цели, да и Россия не очень им доверяла, учитывая прошлый опыт взаимодействия. К тому же переход из православия в мусульманство лишал покровительства российских властей. Характерно, что статья 25-я Кючук-Кайнарджийского мирного договора об освобождении невольников не касалась тех, кто добровольно принял закон магометанский³⁶. Тонус поверил заверениям Мурад-бея и Ибрагим-бея об их готовности выступить против Османской империи в случае поддержки со стороны России, хотя их положение в Египте было очень шатким. Дуумвират Мурада-бея и Ибрагим-бея был отмечен увеличением налогов и произволом, что вызвало у Порты опасения угрозы нового восстания в Египте. Султан Абдул-Хамид I в 1786 г. приказал адмиралу Хасан-паше изгнать соправителей и посадить в Египте нового подконтрольного Константинополю властителя. Мятежные беи были оттеснены в Верхний Египет, а управлять страной стал Исмаил-бей, бывший соратник Али-бея.

³¹ На русской службе Кондратий фон Тонус, австриец по происхождению, находился с 1780 г., перейдя с полькой королевской службы.

³² АВПРИ Ф. 89. Сношения России с Турцией. Оп. 89/8. 1785. Д. 964. Л. 1–4.

³³ Там же. Д. 967. Л. 10–22.

³⁴ Мурад-бей (ок. 1750–1801), по происхождению пленник с Кавказа, черкес или армянин, был продан Мухаммад-бею, сподвижнику, а потом противнику восставшего египетского правителя Али-бея. После смерти Мухаммад-бея в 1775 г. возглавил войско египетских мамлюков.

³⁵ Ибрагим-бей (ок. 1735–1817), грузин по происхождению, захваченный и проданный в мамлюки османскими разбойниками. Заключил союз с Мурад-беем после смерти Мухаммад-бея. Дуумвират Мурада и Ибрагима в Египте, несмотря на интриги друг против друга, продержался до 1798 г. Власть над вассальным Порте Египтом Ибрагим-бей утратил после поражения мамлюков в битвах у Пирамид и при Гелиополисе с армией Наполеона.

³⁶ Полное собрание законов ... Т. 19. 1770–1774. С. 965.

В этой обстановке Тонус представил свой план отторжения Египта от Турции Екатерине II, которая им заинтересовалась и вскоре утвердила. В проекте секретного наказа от 17 февраля 1788 г. барону предписывалось отдать приказ российским кораблям не нападать на суда с египетским флагом и подготовить документы о признании независимости и возможности участия Египта в войне против Турции³⁷. Согласно плану, Тонус отправился в Египет, чтобы напрямую участвовать в происходящем и заняться заготовками египетского риса для российского флота в Средиземном море (Смилянская, Велижев, Смилянская 2011: 740). По прибытии в Каир российский посланник представил предложения Екатерины II при дворе Исмаил-бея, но не смог убедить его окружение и был посажен под арест.

Эту неудачу можно объяснить тем, что даже при выступлении египетских беев против Порты Россия обещала им отправить «несколько пушек со снарядами» и «дать переодетых людей, чтобы обучили стрелять»³⁸, что было явно недостаточно для борьбы за независимость. Планам отправки в Средиземное море русской эскадры под командованием адмирала С.К. Грейга не суждено было сбыться из-за вступления в войну Швеции. Когда Исмаил-бей понял, что серьёзной помощи от России не будет, он оставил попытки поднять бунт против Турции. Опасаясь, что связи с бароном Тонусом подорвут его положение при османском дворе, он в сентябре 1789 г. приказал казнить российского консула (Фрумин 2009: 13).

Как до этого события, так и после него Российская империя не торопилась открывать консульства в других странах Северной Африки. Большую часть своей торговли Россия вела через посредников, поскольку её торговый флот был слабо развит. Купцы предпочитали с меньшим риском сбывать товар на территории России иностранцам. Каждое новое консульство требовало дополнительных затрат, поэтому в Коммерц-коллегии рекомендовали определять консулов на собственном содержании³⁹. За исключением Египта, торговые связи со странами Северной Африки носили эпизодический характер (Шкунов 2012: 86), а в случае необходимости Россия прибегала к услугам консулов других держав, которые охотно шли на это, получая доходы с консульских сборов.

Российское консульство в Марокко появилось только в конце XIX в. При Екатерине II переписка с султаном Марокко велась через секретаря посольства Великобритании в Танжере С. Люкаса и английского консула в Гибралтаре Л. Бута, а потом через поверенного в делах России в Тоскане Д. Моцениго и офицеров русского флота. Данная практика применялась и во взаимодействии с Тунисом. Поначалу Россия пользовалась услугами шведского представителя

³⁷ АВПРИ. Ф. 89. Сношения России с Турцией. Оп. 89/8. 1788. Д. 980. Л. 1.

³⁸ Там же. Л. 3.

³⁹ АВПРИ. Ф. 5. Секретные мнения коллегии Оп. 5/1. 1775. Д. 593. Л. 223.

в этой африканской стране. В 1780 г. консул Голландии в Тунисе А.Г. Ниссен просил российского посланника в Стамбуле А.С. Стахиева назначить его внештатным консулом, что можно рассматривать как начало установления тунисско-российских политических контактов (Каздагли 2018: 121)⁴⁰.

Османские должностные лица в личных беседах пытались убедить российских посланников в Константинополе в целесообразности иметь своих консулов в Африке. Отношение к этому предложению прекрасно показывают слова В.П. Кочубея, служившего посланником в Константинополе в 1792–1797 гг.: «По известным варварским оных обычаям, кто ответственать может, чтоб с консулом российским не было поступлено так, как чинится с другими консулами, то есть посадят его на цепь, требовать станут выкупу, подарков и прочего...»⁴¹. Опасения за безопасность российских подданных и привели к тому, что, несмотря на множество контактов России с варварийскими государствами, постоянные консульские связи между сторонами не были налажены. Взаимодействие велось через Османскую империю или российских представителей в Стамбуле и итальянских государствах. В частности, в Египте после казни Тонуса Россия пользовалась услугами австрийского консула К. Россетти.

Первые политические контакты с Марокко были установлены в 1778 г. после того, как султан Марокко Мухаммед III бен Абдаллах выступил с инициативой открыть порты страны для европейских кораблей. Командующий российской эскадрой в Средиземном море в 1776–1779 гг. капитан 1-го ранга Т.Г. Козлянинов встретился с марокканским послом в Ливорно, и обе стороны проявили интерес к дальнейшему развитию отношений. Козлянинов считал, что Марокко может служить хорошей базой на пути русского флота в Средиземное море (Булатов 2021: 101), поэтому отправил в город Танжер два фрегата, которые доставили туда марокканского посла и вернулись с письмами от султана к Екатерине II. С 1778 по 1783 гг. султан Марокко Мухаммед III бен Абдаллах не раз писал российской императрице, высказывая желание заключить мир и установить торговые отношения⁴². Но ведение переговоров затрудняло и затягивало отсутствие постоянного представителя России в султанате, а в целом сближению с Россией мешала солидарность мусульманского населения Марокко с Османской империей в ходе русско-турецких войн.

В 1784 г. через российского полномочного министра в Генуе А.С. Мордвинова велись переговоры с Триполитанским кантоном о заключении трактата о вечном мире, дружбе и торговле. Проект договора триполитанского посла Сиди

⁴⁰ Просьба А.Г. Ниссена была удовлетворена уже в начале XIX в., после того, как в 1803 г. тунисские пираты захватили российское купеческое судно. Впоследствии шесть поколений этой семьи представляли интересы России в Тунисе (Жерлицына 2014: 31).

⁴¹ *АВПРИ* Ф. 90. Константинопольская миссия. Оп.1. 1795. Д. 1205. Л. 252 об.

⁴² *Россия – Марокко: история связей двух стран в документах и материалах (1777–1916)*. 1999. Москва: ИАФР РАН. С. 133–149.

Каид Ахмеда Гаджи включал пять статей, одна из которых обязывала Екатерину II признать независимость Триполи и гарантировать защиту от притязаний со стороны Османской империи⁴³. В ответ на это предложение Коллегия иностранных дел постановила, что «оглашение сей статьи было безвременно, да и предосудительно для собственных вашего императорского величества интересов, утверждая и умножая посеянное во многих дворах мнение, что вся политика вашего императорского величества стремится к низложению империи Оттоманской... Для сего рассуждается лучшее, сию пятую статью превратить в особой секретной артикул»⁴⁴. В обмен на поддержку со стороны Российской империи триполитанский бей предлагал «в полное владение и самовластное господство на берегу, замыкаемом между Баркою и Александрийскими границами владычества Оттоманского, один из двух портов своих»⁴⁵. Но сведениями об этих портах и их возможностях вместить торговый и военный флот в России не располагали, а Коллегия иностранных дел опасалась негативной реакции на это приобретение других держав, особенно Испании⁴⁶, поэтому российская сторона предложила засекретить и положение о порте. Выдвинутые Россией условия не отвечали пожеланиям триполитанского бея. Переговоры то прерывались, то возобновлялись, но так и не привели к успеху.

Как можно заметить, политика России в регионе была очень осторожной. Екатерина II не хотела вступать в конфликт с другими европейскими державами и стремилась получить такие же привилегии в торговле, которые имели Франция и Англия. Например, К. Тонусу императрица рекомендовала заключить выгодный торговый договор с Египтом, как у французов. А в инструкции А.С. Мордвинову читаем: «... что же касается до торговли, согласится он на все выгоднейшие статьи, а особливо на все уже постановленные с народами более фаворизируемыми, то есть с французами и англичанами»⁴⁷.

Другим серьёзным препятствием для проникновения Российской империи в Северную Африку была нехватка точных сведений о государствах в регионе. Восприятие африканских кантонов формировалось через общение с европейцами и переводную литературу по истории и географии (Жерлицына 2014: 10).

При Екатерине II изучение описываемого региона началось благодаря деятельности офицеров российского военно-морского флота. Они зачастую путешествовали под вымышленными именами, представляясь подданными разных европейских государств. Несмотря на краткое пребывание, они смогли собрать важную информацию о ветрах, мелях и течениях, обновив существующие карты региона. Русские моряки за время пребывания в Средиземном море

⁴³ АВПРИ Ф. 48. Сношения России с Генуей. Оп. 48/2. 1784. Д. 2. Л. 25.

⁴⁴ Там же. Л. 118.

⁴⁵ Там же. Л. 24-25.

⁴⁶ Там же. Л. 116.

⁴⁷ АВПРИ Ф. 48. Сношения России с Генуей. Оп. 48/2. 1784. Д. 14. Л. 37.

в 1770-х гг. создали более 40 карт южной части Средиземноморья (Frumin 2004: 21). В 1778 г. командир российского фрегата «Святой Павел» Н.С. Скуратов во время своей поездки в г. Танжер, помимо описания Марокко и его жителей, составил «с точным положением берегу и промерами сделанный Танжерского рейду план»⁴⁸. Особо стоит выделить поездки С.И. Плещеева⁴⁹ и М.Г. Коковцева⁵⁰, которые позже опубликовали свои путевые заметки и внесли важный вклад в накопление знаний о регионе.

С деятельностью М.Г. Коковцева связаны первые попытки России установить отношения с Тунисом и Алжиром. В ходе своего пребывания в Северной Африке русский офицер вёл переговоры с высокопоставленными лицами этих государств, в том числе и с деями, хотя на это у него не было полномочий. Маловероятно, чтобы можно было достичь каких-либо договорённостей с варварийскими государствами, требовавших в обмен на мир выплаты ежегодной дани, что Российская империя отвергала⁵¹.

Заключение

При Екатерине II Россия вступила на путь развития отношений с Северной Африкой. В российской внешней политике этого периода чётко вырисовываются два направления: 1) создание благоприятного режима для плавания судов под российским флагом в Средиземном море; 2) поиск новых союзников в борьбе с Османской империей. Полностью достичь этих целей Россия не смогла. У правящих кругов были смутные представления о Северной Африке, поэтому любые действия предпринимались после сбора информации на основе европейских сведений. Из-за этого время бывало упущено, и переговоры с североафриканскими государствами не приводили к успеху.

Стоит отметить крайнюю осторожность России в проведении внешней политики в регионе. Российская империя была не готова к осложнению отношений с другими европейскими государствами из-за своего присутствия в Северной Африке и всячески стремилась следовать их опыту, получая равные с ними привилегии от Турции.

⁴⁸ Россия – Марокко... С. 22.

⁴⁹ Плещеев С.И. 1773. *Дневные записки путешествия, из Архипелагского, России принадлежащего острова Пароса, в Сирию и к достопамятным местам, в пределах Иерусалима находящимся: с краткой историей Алибеевых завоеваний*. Санкт-Петербург.

⁵⁰ Коковцов М.Г. 1786. *Описание Архипелага и Варварийского берега; изъясняющее положение островов, городов, крепостей, пристаней, подводных камней и мелей; число жителей, веру, обряды и нравы их с присовокуплением древней истории, и с тремя чертежами*. Санкт-Петербург. Коковцов М.Г. 1787. *Достоверные известия о Альжире, о нравах и обычаях тамошнего народа, о состоянии правительства и областных доходов; о положении Варварийских берегов; о произрастениях и о прочем; с верным чертежом*. Сочинение Российского Офицера все то на месте обозревшего. Санкт-Петербург.

⁵¹ Жерлицына Н.А. Цит. соч. С. 165.

Тем не менее Екатерина II смогла в свою пользу добиться от Турции решения вопросов, связанных с захватом купеческих судов под российским флагом варварийскими корсарами, заключив выгодные мирные договоры и торговый трактат. Она состояла в переписке с султаном Марокко, а правители Египта и Триполи искали с ней союза. Хотя тунисские и алжирские корсары захватывали российские суда, Россия добилась получения компенсации.

Открытие консульства в Александрии, первого представительства Российской империи в Африке, опережало своё время. Торговых связей с Северной Африкой практически не было, а сама торговля велась преимущественно через посредников, поэтому Россия прибегала к помощи консулов других государств, чтобы защищать интересы своих подданных в регионе.

Об авторе:

Андрей Игоревич Бережнов – младший научный сотрудник Института Африки РАН. 123001, Россия, Москва, ул. Спиридоновка, 30/1. E-mail: a.i.berezhnov@my.mgimo.ru

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

UDC 327(47+61)"17":94(47)"17")

Received: March 15, 2024

Accepted: August 11, 2024

North Africa in the Foreign Policy of Catherine II

 A.I. Berezhnov

[DOI 10.24833/2071-8160-2024-5-98-208-227](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2024-5-98-208-227)

Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences

Abstract: The 18th century represented a transformative era for the Russian Empire, characterized by substantial internal reforms and notable foreign policy achievements. Amidst sweeping modernization efforts, Russia secured significant victories on the international stage. Under Peter I, Russia "opened a window" to Europe, while Catherine II's reign expanded Russia's geopolitical reach to the Black Sea, facilitating access to fertile southern territories and establishing crucial maritime routes for international trade. These strategic advancements considerably enhanced Russia's influence and strategic capacities.

During Catherine II's reign, Russia also initiated its first forays into North Africa, a region previously beyond the empire's strategic horizon. Prior to gaining maritime access to the Black and Mediterranean Seas, Russian interaction with North African territories was negligible. However, the geopolitical landscape of Catherine's era prompted the necessity of engaging with Egypt, Algeria, Morocco, Tunisia, and Tripoli.

This article investigates the principal foreign policy initiatives of Russia toward North Africa during the latter half of the 18th century. These efforts served as ancillary operations to Russia's overarching conflict with the Ottoman Empire. Throughout the Russo-Turkish Wars, Russia exploited separatist movements within the Ottoman periphery to weaken its adversary strategically. In times of peace, Russian priorities shifted to safeguarding merchant vessels in the Mediterranean from attacks by Barbary corsairs—specifically from Tunisia, Algeria, and Tripoli. To mitigate these threats, Russia employed diplomatic pressure on the Sublime Porte and sought to negotiate peace agreements with North African states. Nevertheless, these early Russian engagements in North Africa were tentative and often marked by limited success and instances of diplomatic adventurism, leaving several initiatives unrealized.

Utilizing archival documents from the Archive of Foreign Policy of the Russian Empire (AVPRI) and the Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA), this article provides a detailed examination of Russia's diplomatic decision-making and negotiations with North African states. While prior Russian and foreign scholarship has analyzed specific events and countries in this context, this study seeks to offer a more holistic understanding of Russia's foreign policy objectives and actions in North Africa during the 18th century.

Keywords: Russian Empire, North Africa, barbarian states, Egypt, reign of Catherine II, Russian-Turkish relations, trade in the Mediterranean Sea

About the author:

Andrei I. Berezhnov – Junior Research Fellow, Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences, Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences. 123001, Russia, Moscow, st. Spiridonovka, 30/1. E-mail: a.i.berezhnov@my.mgimo.ru

Conflict of interests:

The author declares the absence of conflict of interests.

References:

- Davis R.C. 2001. Counting European Slaves on the Barbary Coast. *Past & Present*. №172. P. 87–124. DOI:10.1093/past/172.1.87.
- Frumin M.D. 2004. Russian Navy Mapping Activities in the Eastern and Southern Mediterranean (Late. 18th Century). *The Portolan*. Vol. 60. P. 13–26.
- Hathaway J. 2008. *The Arab Lands under Ottoman Rule, 1516–1800*. Longman. 344 p.
- Wolf J.B. 1982. *The Barbary Coast: Algeria under the Turks*. New York: Norton. 364 p.
- Bulatov V.E. 2021. *Russkiye morskije karty XVIII veka* [Russian Nautical Charts of the 18th Century]. Moscow: State Historical Museum. 468 p. (In Russian).
- Davidson A.B., Filatova I.I. 2010. *Rossiya i Yuzhnaya Afrika: tri veka svyazei* [Russia and South Africa: three Centuries of Connections]. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics. 331 p. (In Russian).

D'yakonov N.N. 2009. Rossiya i Magrib. Istoriya ustanovleniya otnoshenii. [Russia and the Maghreb. The History of Establishing Relationships]. *Vestnik SPbGU. Seriya 13. Vostokovedenie, afrikanistika*. №4. P. 3–13 (In Russian).

Frumin D.V. 2009. Missiya barona Tonusa. 225 let nazad v Egipt byl naznachен pervyi rossiiskii konsul. [Mission of Baron Tonus. 225 Years Ago the First Russian Consul Was Appointed to Egypt]. *Vostochnyi arkhiv*. P. 4–15 (In Russian).

Kazdagli N. 2018. Tunisko-rossiiskie otnosheniya ot Ekateriny II do Khamuda-pashi (konets XVIII – nachalo XIX veka). [Tunisian-Russian Relations from Catherine II to Hamoud Pasha (Late 18th – Early 19th Centuries)]. *Istoriya. Nauchnoe obozrenie OSTKRAFT*. №2. P. 32–55. DOI: 10.15688/jvolsu4.2017.2.12. (In Russian).

Kobishchanov T.Yu. 2009a. Krest nad Beirutom: rossiiskaya ehkspeditsiya v Vostochnoe Sredizemnomor'e 1769–1774 godax v vospriyatii siriiskikh sovremennikov. Chast' 1. Ot poyavleniya v Sredizemnomor'e rossiiskoi ehskadry do pervogo shurma Beirut. [Cross over Beirut: Russian Expedition to the Eastern Mediterranean in 1769–1774 in the Perception of Syrian Contemporaries. Part 1. From the Appearance of the Russian Squadron in the Mediterranean to the First Assault on Beirut]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 13. Vostokovedenie*. №1. P. 3–22 (In Russian).

Kobishchanov T.Yu. 2009b. Krest nad Beirutom: rossiyskaya ehkspeditsiya v Vostochnoye Sredizemnomor'e 1769–1774 godax v vospriyatii siriiskikh sovremennikov. Chast' 2. Vtoraya osada i vzyatiye Beyruta rossiiskim flotom [Cross over Beirut: Russian Expedition to the Eastern Mediterranean 1769–1774. in the Perception of Syrian Contemporaries. Part 2. The Second Siege and Capture of Beirut by the Russian fleet]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 13. Vostokovedenie*. №2. P. 3–20 (In Russian).

Kopelev D.N. 2017. Imperskaya geopolitika 1720-kh godov: sekretnaya ehkspeditsiya Petra Velikogo na Madagaskar. [Imperial Geopolitics of the 1720s: Peter the Great's Secret Expedition to Madagascar]. *Vestnik RFFI*. №2. P. 51–52 (In Russian).

Ragunstein A.G. 2013. Pozitsiya Rossii v otnoshenii bor'by s severoafrikanским piratstvom v nachale XIX veka. [Russia's Position Regarding the Fight against North African Piracy at the Beginning of the 19th Century]. *Istoriya, teoriya, praktika rossiiskogo prava: sbornik nauchnykh rabot*. Kursk: KGU. №9. P. 217–226 (In Russian).

Shkunov V.N. 2012. Torgovye svyazi Rossiiskoi Imperii s Afrikoi v XVIII – pervoi polovine XIX v. [Trade Relations of the Russian Empire with Africa in the 18th – First Half of the 19th Centuries]. *Vostok (Oriens)*. №4. P. 82–87 (In Russian).

Smilyanskaya I.M., Velizhev M.B., Smilyanskaya E.B. 2011. Rossiya v Sredizemnomor'e. Arkhipelagskaya ehkspeditsiya Ekateriny Velikoi. [Russia in the Mediterranean. Archipelago Expedition of Catherine the Great]. Moscow: Indrik. 840 p. (In Russian).

Zherlitsyna N.A. 2014. *Rossiisko-tunisskie otnosheniya 1780–1991*. [Russian-Tunisian Relations 1780–1991]. Moscow: Institute for African Studies of the RAS. 219 p. (In Russian).

Список литературы на русском языке:

Булатов В.Э. 2021. *Русские морские карты XVIII века*. Москва: Государственный исторический музей. 468 с.

Давидсон А.Б., Филатова И.И. 2010. *Россия и Южная Африка: три века связей*. Москва: Изд. дом Гос. ун-та ВШЭ. 331 с.

Дьяконов Н.Н. 2009. Россия и Магриб. История установления отношений. *Вестник СПбГУ. Серия 13. Востоковедение, африканистика*. №4. С. 3–13.

Жерлицына Н.А. 2014. *Российско-тунисские отношения 1780–1991*. Москва: ИАФР РАН. 219 с.

Каздагли Н. 2018. Тунисско-российские отношения от Екатерины II до Хамуда-паши (конец XVIII – начало XIX в.). *История. Научное обозрение OSTKRAFT*. №2. С. 32–55. DOI: 10.15688/jvolsu4.2017.2.12.

Кобищанов Т.Ю. 2009а. Крест над Бейрутом: российская экспедиция в Восточное Средиземноморье 1769–1774 гг. в восприятии сирийских современников. Часть 1. От появления в Средиземноморье российской эскадры до первого штурма Бейрута. *Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение*. № 1. С. 3–22.

Кобищанов Т.Ю. 2009b. Крест над Бейрутом: российская экспедиция в Восточное Средиземноморье 1769–1774 гг. в восприятии сирийских современников. Часть 2. Вторая осада и взятие Бейрута российским флотом. *Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение*. №2. С. 3–20.

Копелев Д.Н. 2017. Имперская геополитика 1720-х гг.: секретная экспедиция Петра Великого на Мадагаскар. *Вестник РФФИ*. №2. С. 51–52.

Рагунштейн А.Г. 2013. Позиция России в отношении борьбы с североафриканским пиратством в начале XIX века. *История, теория, практика российского права: сборник научных работ*. Курск: КГУ. №9. С. 217–226.

Смилянская И.М., Велижев М.Б., Смилянская Е.Б. 2011. *Россия в Средиземноморье. Архипелагская экспедиция Екатерины Великой*. Москва: Индрик. 840 с.

Фруммин Д.В. 2009. Миссия барона Тонуса. 225 лет назад в Египет был назначен первый российский консул. *Восточный архив*. С. 4–15.

Шкунов В.Н. 2012. Торговые связи Российской Империи с Африкой в XVIII – первой половине XIX вв. *Восток (Oriens)*. №4. С. 82–87.